

ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА ВОЛОШИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

oxanav2005@mail.ru

РОЛЬ САНСКРИТА В СТАНОВЛЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Статья посвящена выявлению роли санскрита в становлении лингвистической теории выдающегося российского языковеда Филиппа Федоровича Фортунатова. Показано решающее влияние санскрита на формирование методики сравнительно-исторического языкознания в работах Фортунатова, на учение о форме слова, на типологическую классификацию языков мира, сформулированную Фортунатовым, на описание грамматических классов слов и акцентологические законы. Несмотря на то что Фортунатов, как и другие ученые конца XIX века, призывал «снять санскритские очки», чтобы учитывать в своих исследованиях роль других языков мира, санскрит остается основой построения лингвистической теории Фортунатова, ведь первые опыты лингвистического анализа и выводы об устройстве языка были сделаны им на материале древнеиндийского языка.

Ключевые слова: санскрит, лингвистическая теория Ф. Ф. Фортунатова, сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая типология

Любая лингвистическая теория строится путем осмыслиения и обобщения конкретного языкового материала, поэтому лингвистические концепции напрямую зависят от исследуемых языковых фактов, а включение в исследовательский аппарат нового материала неизбежно приводит к изменению теории. В частности, описание языка кави на острове Ява заставило В. фон Гумбольдта ввести в имеющуюся типологическую классификацию новый тип языков – инкорпорирующих, ведь своеобразное строение синтаксических структур этих языков не могло быть учтено и осмыслено в рамках старой типологической схемы, основанной исключительно на морфологическом критерии. В качестве еще одного примера можно отметить стремление американских лингвистов описывать строение языков индейцев Америки без оглядки на «образец», предписанный классическими европейскими языками, что заставило представителей американской науки о языке выступить против «европоцентризма» в языкознании.

Часто введение нового языкового материала способствует формированию новой лингвистической теории или целого научного направления. Известно, что становление сравнительно-исторического языкознания в начале XIX века связано с активным изучением санскрита и привлечением древнеиндийского языка в сферу филологических (и собственно лингвистических) исследований. Санскрит не случайно называют языком – катализатором процесса формирования компаративистики как науки. Благодаря привлечению санскритского материала стало очевидным родство

двух древних классических европейских языков – древнегреческого и латинского. Конечно, изучение языков античной цивилизации издавна входило в программу классической филологической подготовки, однако непосредственное сравнение двух языков не обнаруживало их родства из-за существенных расхождений в фонетике, грамматике и лексике. Привлечение санскрита как архаичного представителя индоевропейской семьи языков делало очевидным общее происхождение этих трех языков. В дальнейшем круг сравниваемых языков расширился за счет авестийского, готского, старославянского, литовского и др. – все эти языки стали объединяться в семью индоевропейских языков, благодаря чему выстроилась гигантская цепь родственных языков от санскрита и авестийского на Востоке до исландского и кельтских языков на Западе.

В контексте нашей работы важно напомнить, что именно санскрит стал эталоном, с которым поочередно сравнивались различные языки (например, в знаменитой работе Ф. Боппа¹ санскрит находится в центре сопоставительного исследования, с ним сравниваются латинский, греческий, авестийский и др.). Ведь санскрит – древнейший язык индоевропейской семьи, сохранивший множество архаичных черт в фонетике, грамматике и лексике, параллели которым находятся то в одном, то в другом индоевропейском языке. Таким образом, санскрит оказался в центре лингвистических изысканий, а кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков, основанная в Московском университете в 1863 году, в 1884 году была переименована в кафедру сравнительного языкознания и санскритского языка.

Задачей данной работы является обнаружение явного и скрытого влияния санскрита и принципов анализа языка, разработанных древнеиндийскими грамматистами, на теоретические построения виднейшего компаративиста, теоретика языка, основателя отечественной лингвистической школы – Филиппа Федоровича Фортунатова.

Интересом к санскриту как главному языку индоевропейской компаративистики объясняется тема диссертации молодого Ф. Ф. Фортунатова, который в 1875 году впервые издает, комментирует и переводит на русский язык древнейшую ведийскую самхиту – Самаведу-Араньяку². В приложении к диссертации автор обсуждает некоторые важнейшие проблемы современной ему компаративистики, критически разбирает точки зрения Ф. Боппа, А. Шрейхера, Г. Курциуса, А. Потта и других выдающихся ученых на некоторые спорные вопросы из области индоевропейской фонетики и грамматики, предлагает свои варианты ответов.

Важно отметить, что одной из основных характеристик лингвистической теории Фортунатова является цельность (или, говоря языком XX века, системный подход к описанию языковых явлений). Это особенно важно учитывать, поскольку современников Фортунатова – европейских младограмматиков – последователи справедливо критиковали за атомизм, который заключался в изолированном описании отдельных языковых явлений без попытки свести разрозненные данные в общую теорию. Например, в качестве реакции на схематизм и явную упрощенность шлейхеровской реконструкции прайзыка появился вариант младограмматиков, которые механически перенесли множество разнообразных звуков древних индоевропейских языков на прайндоевропейскую плоскость, что, очевидно, способствовало эклектике полученной реконструкции, «атомизму» отдельных звуков, часто существующих независимо друг от друга в гипотетическом пространстве прайзыкового состояния. Были предприняты лишь две блестящие попытки реконструкции фонетической системы индоевропейского прайзыка – это «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878) Фердинанда де Соссюра и теория сонантов Филиппа Федоровича Фортунатова³. Труд Соссюра был хорошо известен европейским и отечественным лингвистам, а вот теоретические положения Фортунатова не получили широкого распространения, возможно, из-за того, что Фортунатов весьма неохотно оформлял свои открытия в виде печатных текстов, предпочитая обсуждать результаты научных изысканий в формате устных дискуссий, университетских лекций и т. п.

Как известно, на протяжении всего XIX века компаративисты стремились реконструировать

систему вокализма индоевропейского прайзыка, причем старая шлейхеровская точка зрения о наибольшей древности гласного *a* вытеснялась выводами младограмматиков о первичности *e* и *o* в прайзыке. Фортунатов вслед за Шлейхером считает, что самым древним гласным звуком был краткий *a*, который, однако, уже не был однородным, но обладал разным качеством: он мог приближаться к *e* или к *o* двух видов⁴ или оставаться чистым *a* (соответственно *ā^e*, *ā^{o₁}*, *ā^{o₂}*, *ā^a*). Хочется обратить внимание на то, что преувеличение Фортунатовым роли гласного *a* возникло, очевидно, под влиянием санскрита. Конечно, доминирующий характер гласного *a* в санскрите способствовал формированию представления о составе вокализма индоевропейского прайзыка еще в «Компендиуме» Августа Шлейхера, а авторитетное мнение Шлейхера лишь с большим трудом под напором фактов к концу XIX века сменилось представлением об исконном *e* в системе прайндоевропейского вокализма.

Чрезмерная гиперболизация Фортунатовым места, занимаемого *ā* в фонетической системе индоевропейского прайзыка, с одной стороны, не дала ему возможности поставить ряд принципиальных положений индоевропейской фонетики, а с другой стороны, привела его к такому тщательному ее рассмотрению, которое позволило ему выдвинуть далеко идущие гипотезы в некоторых конкретных областях индоевропейской фонетики [1: 98].

В частности, Фортунатов выдвигает гипотезу о существовании в прайндоевропейском языке иррациональной гласной *a*, которая выступала в двух разновидностях – слоговой и неслоговой.

Индоевропейское слоговое иррациональное *a* частью оказывается родственным по происхождению с долгими *a* всех трех видов, то есть в случаях этого рода наблюдается чередование в словах долгих *a* всех трех видов со слоговым иррациональным *a* в зависимости от известных фонетических условий, частью же индоевропейское слоговое иррациональное *a* являлось в качестве так называемой соединительной гласной, существовавшей в словах в известных случаях между составными частями слова, между основой и суффиксом (эта гласная первоначально или возникла фонетическим путем, или же выделялась из окончания древней основы), и в этих случаях индоевропейское слоговое иррациональное *a* не находилось в чередовании с долгим *a* всех трех видов [8: 26].

В разных индоевропейских языках индоевропейское слоговое иррациональное *a* изменялось в разные гласные: в древнегреческом оно давало гласные *α*, *ε* или *ο*, в латинском – краткий *ā* со всеми изменениями, свойственными этому звуку в латинской фонетике. Фортунатов пишет:

Для определения тех случаев, где греческие *α*, *ε*, *ο*, латинское *a* произошли из индоевропейского слогового иррационального *a*, а не из индоевропейского *ā* того или другого вида, важно сопоставление с древнеиндийским языком [8: 31].

Действительно, соответствие санскритского *i* (*pitáṛ*) греческому и латинскому *a* (*patér* и *pater*)

вынуждает Фортунатова предположить общее происхождение этих гласных не от индоевропейского *ā^a*, а от индоевропейского слогового иррационального *ā*.

«Индоевропейское неслоговое иррациональное *ā* существовало лишь в сочетании с плавными и носовыми согласными» [8: 25], поэтому неслоговая иррациональная гласная сыграла огромную роль в становлении фортунатовской теории сонантов. Как известно, в конце XIX века в работах К. Бругмана и Г. Курциуса была сформулирована идея о слогообразующей функции сонантов – *i* и *l* m n. Если перечисленные звуки находились в положении с ударными гласными (то есть в сильной позиции), сонанты выступали как согласные, а если находились в положении с безударными гласными, подвергающимися редукции, то приобретали слогообразующую функцию, приближаясь к гласным. В отличие от К. Бругмана и Г. Курциуса, Фортунатов считал, что только гласные сонанты (*i*, *u*) превращаются в слабой позиции в гласные, другие же сонанты, приобретая слогообразующие функции и приближаясь тем самым к гласным, не теряют свойства согласных звуков, образуя дифтонгические сочетания (гласных звуков с сонантами). В этих дифтонгических сочетаниях гласный не исчезает, а сохраняется в виде иррационального (краткого и неустойчивого) гласного, по-разному реализуемого в индоевропейских языках.

Нельзя не заметить, что такая реконструкция придает теории сонантов Фортунатова особую стройность и последовательность... Во всех рассматриваемых случаях мы имеем дело, согласно этой теории, только с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями, которые различаются между собой от количества звука в сонантах и места ударения в слове [7: 50].

«Мы можем отметить еще одну существенную особенность фортунатовской теории сонантов, отличающую ее от общепринятой, а именно – ее органическую связь с акцентологией» [7: 50]. В статье «О сравнительной акцентологии литво-славянских языков» (1880) Фортунатов предложил рассматривать литовские дифтонгические сочетания с разной интонацией в связи с количественными различиями в древнеиндийском, древнегреческом и латинском языках. Фортунатов формулирует строгое соответствие литовских дифтонгических сочетаний *ī*, *ī̄* с циркумфлексной интонацией санскритскому *ṛ* (из кратких слоговых сонантов *r* и *l*), а тем же сочетаниям с акутной интонацией – санскритским *ī́*, *ī̄́* (из долгих слоговых сонантов *ṝ* и *ṝ̄*). Ср. санскритское *mṛta* *мертвый* и литовское *mīrtas*, скр. *vṛka* *волк* и литовское *vīlkas*; с другой стороны, санскритское *rūgna* *полный* и литовское *pīlnas*. Разные типы интонации в литовском языке позволяют Фортунатову объяснить место ударения в полногласных сочетаниях в славянских языках: если в литовском общеиндоевропейский дифтонг

или дифтонгическое сочетание произносится с циркумфлексом – ударение ставится на первом гласном полногласного сочетания, а если с акутом – на втором (*vārnas* – *вόρон*, *gārda* – *город*; но *várna* – *ворόна*, *délna* – *долόнь (ладόнь)*). Очевидно, что Фортунатов приходит к выводу о том, что теория сонантов о дифтонгах и дифтонгических сочетаниях в индоевропейском прайзыке должна быть дополнена акцентологическими характеристиками.

Таким образом, Фортунатов стремится дать системное описание и объяснение последовательному развитию языковых явлений не только в древних языках, но и в гипотетически реконструируемом прайзыке. Звуковым и акцентным различиям в засвидетельствованных языках Фортунатов пытается найти объяснение, обращаясь к далекому общему прошлому родственных языков.

Реконструкция прайзыка, как и объяснение исторического изменения фонетики и морфологии родственных языков, на протяжении всего XIX века опиралась на санскритский материал. Достаточно указать на сформулированный Фортунатовым в статье «Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке» (1896) закон об изменении в санскрите сочетания *l* + зубной в церебральный (лит. *waltis* *пряжа*, *рыболовная сеть* > скр. *vaṭi* *веревка*; гот. *gult* *золото* > скр. *hāṭaka* *золото*). Сопоставление европейских языков с санскритом позволило Фортунатову восстановить для праиндоевропейского языка древнейший плавный согласный (Фортунатов обозначил его *λ*), из которого произошли впоследствии два плавных звука *r* и *l*. К такому выводу его подвели соответствия *l* в европейских языках санскритскому *r*: старосл. ПЛЬНЬ (ПЛЬНЬ) *полон, полный*, лит. *rīlnas*, гот. *fulls*, но скр. *rīgna* *полный*. Очевидно, что материал санскрита активно использовался Фортунатовым в сравнительно-исторических исследованиях.

Однако к концу XIX века европейские компаративисты перестали рассматривать санскрит как язык, сохранивший наибольшее количество архаичных черт и ближе всех находящийся к индоевропейскому прайзыку. Санскрит занял подобающее ему место в ряду других древнейших индоевропейских языков, при этом лингвисты подчеркивали не только свойственные санскриту архаичные черты, но и очевидные инновации. Хотя Фортунатов солидарен с европейскими компаративистами в попытке определения истинной (а не преувеличенной) роли санскрита при реконструкции индоевропейского прайзыка и в выявлении путей исторического развития отдельных индоевропейских языков (он сам активно привлекает материал балтийских и славянских языков), явная или скрытая ориентация на санскрит очевидна.

В частности, в диссертационном сочинении Фортунатов горячо поддерживает гипотезу агглютинации Франца Боппа, согласно которой индоевропейское слово рассматривается как результат сложения двух типов корней – корня знаменательного слова и корня местоименного. Заимствованное Боппом из древнеиндийских грамматик представление о том, что санскритское слово представляет собой цепочку морфем, было положено в основу принципа морфемного деления слова и сопоставления не слов, но морфем родственных языков. Согласно представлениям древнеиндийских грамматистов, слово образуется путем присоединения к корню аффиксальных морфем, причем исходной единицей при синтезе словоформы является глагольный корень. Древнеиндийские грамматики традиционно сопровождались списками таких корней (Дхату-патха). Бопп в своей грамматике также начинает изложение с рассуждения о корнях. По его мнению, издавна существовали корни двух типов – знаменательные и местоименные, синтез которых позволял образовать словоформу (глагольную или именную). Например, *идти⁵ + я > иду, идти + ты > идешь* и т. п. Эта гипотеза агглютинации (ведь оформленное слово образовалось путем «при克莱ивания» (от лат. *agglutinatio*), присоединения двух типов корней друг к другу) предполагала доказательство происхождения глагольных и именных флексий в индоевропейских языках от личных или указательных местоимений. Доказать это положение Боппу (как и его последователям) так и не удалось, однако гипотеза агглютинации осталась интереснейшим предположением, завораживающей историей образования формы слова в праиндоевропейском языке.

Не углубляясь в разбор плюсов и минусов положений Боппа, хочется лишь подчеркнуть, что гипотеза агглютинации могла сформироваться в трудах европейского ученого под сильнейшим влиянием санскрита, и особенно положений древнеиндийской грамматики. Фортунатов пишет:

Учение Боппа о присутствии местоименных корней в глагольных окончаниях составляет для меня бесспорную истину... все возражения, которые представлялись до сих пор против теории агглютинации, дали, по моему мнению, только большую прочность этой теории и нимало не поколебали ее. Таким образом, я считаю совершенно верным то, что напр., форма *asmi* состоит из глагольного корня *as* в соединении с местоименным корнем, обозначающим первое лицо².

Исследователи неоднократно говорили о том, что знакомство с древнеиндийской методикой морфемного членения слова способствовало становлению сравнительно-исторического языкоznания, так как именно обнаружение тождества глагольных флексий индоевропейских языков позволило европейцам говорить об общем происхождении этих языков, то есть объединить

их в семью родственных языков. Однако менее очевиден другой путь развития идей индийской грамматики в рамках европейской лингвистики – это формальная школа, основателем и выдающимся представителем которой и был Филипп Федорович Фортунатов. Именно представление о словоформе как цепочке последовательно соединенных морфем позволило выдвинуть форму слова во главу угла новой лингвистической теории. Слово оказывается синтезированным из различного типа морфем, каждая морфема имеет строго определенное место в словоформе (вот почему пропуск морфемы – грамматический ноль, впервые осмысленный именно в древнеиндийской грамматике, уже в конце XIX века получил новую интерпретацию в грамматической концепции Фортунатова). Замена той или иной морфемы в составе словоформы приводит к изменению не только формы слова, но и семантики (грамматической или лексической).

Постепенно в трудах Фортунатова складывается общая теория языка, в рамках которой он формулирует свое представление о строении и развитии языков мира. Представляется, что именно типологические особенности санскрита повлияли на формирование лингвистической теории Фортунатова. Мы разберем лишь три важнейших положения фортунатовской теории: учение о форме слова, принцип выделения частей речи и типологическую классификацию языков и покажем, что сильные и слабые стороны теоретических положений объясняются ориентацией на санскрит (уже плохо осознаваемой, сознательно отвергаемой, но тем не менее очень живучей) и опорой на морфемный критерий, унаследованный от древнеиндийских грамматик и преобразованный в контексте современной Фортунатову европейской лингвистики.

Представление древнеиндийских грамматиков о морфемном членении словоформы было положено Фортунатовым в основу **учения о форме слова**. По Фортунатову, форма слова основывается на членении слова на две части: основу и флексию (в терминологии Фортунатова это основная и формальная принадлежность). Форма слов – это

способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью, т. е. формальная принадлежность слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью [9: 116–117].

Членение слова на две части позволяет объединить слова в разные классы – с общей основой или общей флексией:

лис-а *стен-а*
лис-ой *стен-ой* и т. п.

Фортунатов пишет:

...всякая форма в слове является общею для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т. е. предполагает существование другой формы, с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, то есть с теми же их основными принадлежностями [9: 116–117].

Очевидно, что «Фортунатов выводил понятие формы из соотнесенности грамматических элементов» [2: 94]. Такой подход позволяет выделить морфемы, из которых состоит слово, и объединить слова в перекрещивающиеся классы, которые будут объединять однокоренные слова, слова с одинаковыми суффиксами и флексиями. Системный подход позволил Фортунатову выделить нулевой аффикс (например, в форме существительного мужского рода единственного числа именительного падежа – *кот-θ*), поскольку перечисленные грамматические значения должны быть формально выражены, как выражены значения родительного падежа единственного числе того же слова флексией *-a*: *кот-a*. По мнению Фортунатова:

формальная принадлежность в словах может быть не только положительной, но и отрицательной. ...Не только присутствие известного аффикса в сочетании с основами служит для образования известной формы, но вследствие этого и отсутствие всякого аффикса при тех же основах в других словах образует также форму слов по отношению этих слов к словам, заключающим в себе те же основы в сочетании с аффиксами [9: 126].

Таким образом, представление о слове как цепочке разных типов морфем, заимствованное европейскими лингвистами из древнеиндийских грамматик, выделение морфемы как особой структурной единицы позволили сформулировать основные положения морфологии как краеугольного камня организации языка. Кроме того, именно морфема, позволяющая объединять слова с общим корнем, общим словообразовательным или словоизменительным аффиксом, дала возможность выявить системные (формальные и семантические) связи, заложив основу структурного подхода в лингвистике. Это же представление о форме слова, то есть о морфологической оформленности словоформы определенным типом флексий, было положено Фортунатовым в основу **классификации частей речи**.

Как известно, санскрит, как и многие древние индоевропейские языки, широко использует флексию синтетического типа для выражения разного рода грамматических значений. Морфологическое оформление было главным и наиболее очевидным критерием выделения частей речи в древних индоевропейских языках. Система имени и глагола в санскрите, греческом, латыни и старославянском языке четко противопоставлялись классами флексий. Т. Я. Елизаренкова писала о санскрите:

Семантико-грамматические разряды слов, или части речи, четко различаются на морфологическом уровне с помощью средств формо- и словообразования. Кардинальным является противопоставление имени и глагола. Имя и глагол резко разграничены с помощью разных серий флексий, основообразующих суффиксов и морфонологических правил [6: 38].

Части речи, по Фортунатову, грамматические (точнее, морфологические) классы слов, ведь каждая из них имеет свой набор флексий – морфологических показателей грамматического класса⁶.

Присутствие в отдельных полных словах форм образует формальные, или грамматические, классы отдельных полных слов... [9: 137].

Фортунатов говорит о системе частей речи, унаследованной современными индоевропейскими языками от предшествующей эпохи общего пражазыкового состояния:

В общеиндоевропейском языке в эпоху его распадения различались следующие наиболее общие грамматические классы отдельных полных слов:

- 1) слова с формами словоизменения и
- 2) слова без форм словоизменения.

Первые, в свою очередь, подразделялись на известные грамматические классы по отношению к различиям в формах слов. В словах, имевших формы словоизменения, в общеиндоевропейском языке в эпоху его распадения различались по отношению к таким формам: а) слова спрягаемые, глаголы в тесном смысле этого термина, т. е. слова, имевшие формы словоизменения, называемого спряжением, б) склоняемые слова, т. е. слова с формами словоизменения, называемого склонением, и в) прилагательные склоняемые слова, имевшие, кроме склонения, то словоизменение, которое называется «согласованием в роде» прилагательных слов, как обозначающих несамостоятельные предметы мысли, именно признаки вещей, предметов, с другими словами, как с существительными, т. е. как с обозначающими самостоятельные предметы мысли... [9: 138].

Таким образом, согласно Фортунатову, в общем индоевропейском пражазыке можно выделить 4 знаменательные части речи:

- 1) глаголы – слова, которые спрягаются, то есть имеют формы указания на число и лицо;
- 2) имена – слова, которые склоняются, то есть имеют формы указания на число и падеж;
- 3) прилагательные – слова, которые согласуются с именем существительным в роде, числе и падеже, то есть слова согласительного класса;
- 4) неизменяемые слова.

Подобная классификация частей речи, как указывает сам Фортунатов, была создана на материале древних индоевропейских языков – языков с богатой морфологией, располагающей наборами флексий для разных частей речи.

Морфологическое оформление грамматических классов слов, основанное на учении о форме слова, вполне логично координирует с **типологической классификацией языков мира**, предложенной Фортунатовым.

Первый опыт типологической классификации языков, основанный на попытке великого Фридриха Шлегеля сравнить санскрит с другими языками мира в нашумевшей работе «О языке и мудрости индийцев» (1808), был, очевидно, несовершенен и нуждался в доработке. Выдающиеся ученые XIX века – А. Шлегель, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер и другие разрабатывали типологическую классификацию языков. Фортунатов тоже предлагает свой подход к классификации языков мира по типу внутреннего (структурного) устройства. Он опирается на уже известные науке типы языков: корневые, флексивные и агглютинативные, дополняя их еще одним типом – специально для семитских языков⁷, совмещающих, как ему представляется, черты флексии и агглютинации. Для нас интересно, что в основе классификации Фортунатова лежит морфологическая структура слова. Речь идет о том, что слово не просто членится на морфемы, но и демонстрирует разного типа связи между этими значимыми частями.

В значительном большинстве семейства языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии, или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют... **агглютинирующие** или **агглютинативные языки**... т. е. собственно склеивающие... потому, что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов как бы склеенными [9: 133].

В агглютинативных языках слово членится на основу и аффикс, которые представляют собой автономные, достаточно самостоятельные элементы. Для Фортунатова важно, что основа не имеет «флексии» (имеется в виду внутренняя флексия), то есть основа не допускает чередования гласных и/или согласных для выражения грамматического значения. Другими словами, основа не меняет свой фонемный состав в агглютинативных языках.

К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках... основы слов сами имеют необходимые... формы, образуемые флексией основ... хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных... Я называю семитские языки **флексивно-агглютинативными**... потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих [9: 133–134].

Поскольку слово в семитских языках не могло быть отнесено ни к одному из предложенных старыми классификациями типов, Фортунатов вынужден был выделить еще один тип морфологического устройства – агглютинативно-флексивный, занимающий промежуточное положе-

ние между флексивным и агглютинативным. В данном случае, с одной стороны, в семитских языках наблюдается самостоятельность основ и аффиксов, свойственная агглютинативным языкам, с другой стороны, корень (основа) в семитских словоформах неизбежно меняет фонемный состав из-за наличия трансфиксов – аффиксов, вставляемых в корень.

К... третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские; здесь... существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флексивно-агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название **флексивные языки**... [9: 134].

В этих языках, очевидно, наличествуют «флексия основ» и особая тесная связь между основой и аффиксом. Фортунатов основывается на выводах относительно типологического статуса санскрита, дискуссия вокруг которого развернулась еще в начале XIX века – Фридрих Шлегель считал главным механизмом, характеризующим санскрит, именно внутреннюю флексию, то есть способность чередованиями корня выражать разные грамматические значения. Тогда как Франц Бопп стремился представить санскритскую словоформу как цепочку присоединяемых к корню аффиксальных морфем, при помощи которых выражалось грамматическое значение (и в этом смысле чередование звуков в корне воспринимались им как случайная, не имеющая отношения к главному грамматическому механизму помеха). Поэтому Бопп мало внимания уделял чередованиям звуков в морфемах, он их как будто не замечал. Фортунатов, будучи горячим последователем Боппа, признает очевидный факт грамматической значимости чередований в корне и даже использует наличие этого механизма в типологической классификации языков.

Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками **корневыми**... в корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным) [9: 134].

Языки, относящиеся к этому типу, вообще не имеют форм слов.

Мы видим, что понятие формы слова для Фортунатова явилось определяющим и при построении типологической классификации языков. Флексивный тип, наиболее ярко представленный именно в санскрите, а также в древнегреческом, латинском и старославянском, позволил Фортунатову поставить понятие формы слова во главе формальной теории языка. Как мы смогли убедиться, опора на санскрит и выработанное на

его материале учение о форме слова позволили Фортунатову создать цельное, логически стройное и непротиворечивое учение о языке. Однако наряду с очевидными плюсами такое цельное учение обладало и минусами. Конечно, давно канули в прошлое восторги, с которыми Фридрих Шлегель и его последователи возносили санскрит на пьедестал образцового, самого совершенного языка, имеющего, по Шлегелю, безусловно божественное происхождение, санскрит давно занял подобающее ему положение наряду с другими древними индоевропейскими языками, в чем-то даже иногда уступая им. Однако подсознательная ориентация на санскрит ограничивала теоретические позиции Фортунатова. Учение о форме слова, в основе которого, как мы показали, лежало представление о членности словаформы на морфемы, способствовало формированию подхода, предполагающего синтез слова из составляющих его частей (именно так из морфем разного рода у Фортунатова создаются основы разных грамматических форм в индоевропейских языках). Такой подход не был способен перекинуть мостик к синтаксису и семантике, даже хотя бы попытаться объяснить их устройство и функционирование. Именно поэтому ученики Фортунатова наиболее комфортно чувствовали себя в области морфологии (морфонологии) и фонологии, а синтаксис был наиболее уязвимой частью формальной учения. Фортунатовский морфологический подход к грамматическим классам слов (и классификации частей речи) вызвал бурную дискуссию в отечественном языкоznании (достаточно

указать на полемику Л. В. Щербы с Ф. Ф. Фортунатовым и М. В. Панова с Л. В. Щербой). Типологическая классификация, предложенная Фортунатовым, явно была рассчитана на наиболее известные науке XIX века языки с развитой морфологией, она была искусственно приспособлена к индоевропейским, тюркским и семитским языкам, а кавказские языки, малайско-полинезийские и другие не «втискивались в прокрустово ложе» морфологической классификации, здесь требовались другие критерии – синтаксические, семантические и т. п., которые неизбежно разрушили бы стройность фортунатовской конструкции. Даже инкорпорирующие языки, которые еще Гумбольдт в 30-е годы XIX века ввел в аппарат современной ему науки о языке, не нашли себе места в жесткой схеме Фортунатова.

Строгий логический подход, основанный на едином критерии – форме слова, способствовал цельности и непротиворечивости теории Фортунатова, но и неизбежно ограничивал, сужал горизонты его теоретических построений. Морфология (как учение о форме слова) оказалась в центре внимания как самого Фортунатова, так и его учеников и стала основой формирования фортунатовской формальной школы. В рамках нашей работы мы хотели показать, что пристальное внимание к морфологии, к форме слова было вызвано санскритом – языком с богатейшей морфологией, и, окажись в центре внимания компаративистов конца XIX века язык другой типологии – китайский или английский, возможно, лингвистическая теория была бы другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Bopp Fr. Über das Conjugations system der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt am Main, 1816.
- 2 См. издание текста Самаведы Фортунатовым: Фортунатов Ф. П. Sāmaveda-Āranyaka-Samhitā. В Приложении несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1875. 254 с. Санскритская рукопись была выбрана Фортунатовым в качестве объекта диссертационного исследования не случайно, ведь пристальный интерес к санскриту требовал от европейских ученых изучения и публикации выдающихся произведений ведийской и древнеиндийской литературы (подробнее о диссертации Ф. Ф. Фортунатова см. [3]).
- 3 Сравнение двух теорий Ф. де Соссюра и Ф. Ф. Фортунатова о функции сонантов в фонетической системе индоевропейского праязыка приводится в замечательной статье С. Д. Кацнельсона [7].
- 4 «Индоевропейское *ā*[॒] оказывается родственным по происхождению с *ā*[॑], то есть чередуется в словах, родственных между собой, с *ā*[॑], откуда следует, что обе эти гласные произошли в индоевропейском языке из одной и той же гласной вследствие каких-то фонетических условий. Впрочем, в этом отношении в самом индоевропейском *ā*[॑] надо различать два вида, и только один из двух видов этой гласной оказывается в чередовании с *ā*[॒], между тем как *ā*[॑] другого вида имело другое происхождение и не находилось в родстве с *ā*[॒]» [8: 26].
- 5 В нашем примере вместо глагольного корня выступает форма инфинитива.
- 6 Подробнее см. [5].
- 7 В данном случае мы наблюдаем яркий пример влияния исследуемого языкового материала на лингвистическую теорию (а именно, морфологическую классификацию языков). Инкорпорирующие языки, введенные в типологию еще В. фон Гумбольдтом, называются Фортунатовым как особое явление языкового устройства, но не включены им в морфологическую классификацию, отчасти потому, что инкорпорация выходит за рамки морфологической классификации, отчасти из-за недостаточной изученности инкорпорирующих языков европейскими учеными XIX века. Древнееврейский же, как древнейший библейский язык, привлекавший внимание ученых всего мира, нуждался в теоретическом осмыслении, от него невозможно было «отмахнуться», как от чукотского или баскского. Искусственность отведенного семитским языкам флексивно-агглютинативного типа не вызывает сомнений – язык описывается в чуждых ему категориях, разработанных для индоевропейских и тюркских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е р е з и н Ф. М. Вопросы сравнительно-исторического языкоznания в работах Ф. Ф. Фортунатова // Русское языкоznание конца XIX – начала XX века. М., 1976. С. 67–117.

2. Б е р е з и н Ф. М. Некоторые собственно лингвистические взгляды Ф. Ф. Фортунатова // Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1968. С. 84–99.
3. В о л о ш и н а О. А. Диссертация Ф. Ф. Фортунатова «Самаведа Араньяка самхита» в контексте развития индологии и компаративистики конца XIX века // Фортунатовские чтения в Карелии: Сб. докладов междунар. науч. конф. (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2018. Т. 1. С. 26–31.
4. В о л о ш и н а О. А. Стилистика научных работ Ф. Ф. Фортунатова (или почему наши студенты не читают Фортунатова) // Русский язык в школе и дома. 2018. № 9. С. 2–5.
5. В о л о ш и н а О. А. Учение Ф. Ф. Фортунатова о частях речи в русском языке // Русский язык в школе. 2019. № 2. (В печати.)
6. Е л и з а р е н к о в а Т. Я. Санскрит // Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М.: Academia, 2004. С. 25–69.
7. К а ц н е л ь с о н С. Д. Теория сонантов Ф. Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных // Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 47–61.
8. Ф о р т у н а т о в Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Избранные труды: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 5–256.
9. Ф о р т у н а т о в Ф. Ф. Сравнительное языкознание. Общий курс. УРСС. М., 2010. 184 с.

Voloshina O. A., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

THE ROLE OF SANSKRIT IN THE DEVELOPMENT OF F. F. FORTUNATOV'S LINGUISTIC THEORY

The article analyzes the role of Sanskrit in the formation of the linguistic theory of the famous Russian linguist F. F. Fortunatov. The author shows the influence of Sanskrit on the formation of the methodology of comparative historical linguistics in Fortunatov's works, on his famous teaching about the form of the word, on the typological classification of the world languages, formulated by Fortunatov, on his teaching about the grammatical classes of words and accentual laws. The article concludes that Sanskrit played a great role in the formation of Fortunatov's linguistic concepts.

Key words: Sanskrit, linguistic theory, comparative linguistics, linguistic typology

REFERENCES

1. Berezin F. M. Problems of comparative-historical linguistics in the works of F. F. Fortunatov. *Russkoe yazykoznanie kontsa XIX – nachala XX veka*. Moscow, 1976. P. 67–117. (In Russ.)
2. Berezin F. M. Some linguistic views of F. F. Fortunatov. *Berezin F. M. Ocherki po istorii yazykoznaniya v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)*. Moscow, 1968. P. 84–99. (In Russ.)
3. Voloshina O. A. F. F. Fortunatov's dissertation “Samaveda Aranyaka Samhita” in the context of Indology and comparative studies development in the late XIX century. *Fortunatovskie chteniya v Karelii: Sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12.09.2018, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2018. Vol. 1. P. 26–31. (In Russ.)
4. Voloshina O. A. The style of F. F. Fortunatov's scientific works (or why our students do not read Fortunatov). *Russkiy yazyk v shkole i doma*. 2018. No 9. P. 2–5. (In Russ.)
5. Voloshina O. A. F. F. Fortunatov's doctrine of Russian parts of speech. *Russkiy yazyk v shkole i doma*. 2019. No 2. (In print.) (In Russ.)
6. Elizarenkova T. Ya. Sanskrit. *World languages: Old and Middle Indo-Aryan languages*. Moscow, 2004. P. 25–69. (In Russ.)
7. Kacnel'son S. D. F. F. Fortunatov's sonant theory and its significance in the light of modern science. *Voprosy yazykoznaniya*. 1954. No 6. P. 47–61. (In Russ.)
8. Fortunatov F. F. Lectures on Old Slavonic (Church Slavonic) phonetics. *Selected works: In 2 vols.* Moscow, 1957. Vol. 2. P. 5–256. (In Russ.)
9. Fortunatov F. F. Comparative linguistics. General course. URSS. Moscow, 2010. 184 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.09.2018